

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

**КИРГИЗ-КАЙСАЦКАЯ
ОРДА**

Пьеса в одном действии из цикла «Кренделя».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АННА ПЕТРОВНА – 60 лет

ЛИДИЯ – 40 лет

ИВАН – 40 лет

Домик возле церкви на окраине старинного города.

Церковь хоть и стоит на окраине города, но она отремонтированная, чистенькая, прибранная. Рядом с церковью кладбище, давно уже закрытое – на нем не хоронят. На кладбище – кресты и памятники старинные, сосны высокие, а там, за кладбищем, дома стоят – деревянные, крошечные, со ставнями и панельные пятиэтажки. Возле церкви – маленький домик в одну комнату. Сюда приносят люди старые вещи, тут их собирают, сортируют, а потом отправляют, куда надо. И потому комната забита мешками с вещами. Ещё в комнате много мягких детских игрушек, игрушки разных размеров, стоят, глаза пластмассовые пучат. Анна Петровна и Лидия сортируют вещи, раскладывают в разные стопочки. Анна Петровна делает всё с улыбкой, быстро, легко, как говорится – споро, а Лидия растерянно стоит посреди комнаты и не знает, за что взяться: то за одно схватится, то за другое. Обе они одинаково одеты: в черные длинные юбки, в черные кофты, платочки у них подвязаны – по-церковному, по-монашески, по-правильному. Иван сидит на топчане в углу, перед ним тумбочка. На тумбочке в оловянной кружке «Доширак» заварен, и Иван пытается его, горячий «Доширак», вилкой подцепить, но не может: лапша падает на пол. Иван с пола лапшу берёт и сунёт в рот, машет рукой и крестится. Иван в несвежей клетчатой рубашке, в грязных штанах и в стоптанных кроссовках, небритый.

ИВАН. Не поваляешь – не съешь. Не съешь – не поваляешь. Не поваляешь – не съешь. *(Смеётся).* Правильно. Так, да.

АННА ПЕТРОВНА *(бежит по комнате, вещи раскладывает, не говорит, а почти кричит радостно).* «И разверзнутся врата его! И расточатся враги твои!». Как работаешь – то с молитвой-то веселее. Всегда надо с молитвой! «Да разверзнутся хляби его! Да расточатся враги его!».

ЛИДИЯ. Да, да. Да разверзнутся. Работать надо. Эти вещи в детский дом надо, в ту стопку ...

АННА ПЕТРОВНА. Работать надо, правильно, Лида. Но помнить надо: работа – не Алитет, в горы не уйдет. Алитет в горы уходит только! Кино такое было в молодости в моей: «Алитет уходит в горы!» *(Смеется, поет).* «Да испра-а-авится-а-а молитва-а-а моя-а-а-а!».

ЛИДИЯ. Да, да. Исправится. Разверзнутся.

ИВАН *(смеётся).* Посмотри на неё, она поёт и пляшет ажно! Прямо военный «Ансамбль плесени и тряски»! То есть, «Песни и пляски»!

АННА ПЕТРОВНА. А есть некоторые, которые молитву до конца не знают. Бормочут начало только: «Отче наш, иже еси!», а что там дальше – они и не знают, они и забыли! Да они и не знали!

ИВАН. Скоро наступит конец света. Придут и победят нас всех маленькие такие обезьянки с крылышками, на пуантах, с накрашенными ногтями, а в заднице у них будет перо! Они сейчас живут в красном холодильнике и, если его открыть, они шипят и делают так: «Фырррррррр!». *(Смеётся).* Иже еси на небеси!

АННА ПЕТРОВНА. Чего ты мелешь, обезьянка? Чему ты смеёшься, Ваня-дурачок? Вот ведь сколько дураков на свете развелось, и все прибиваются к церкви почему-то. Вот они в другое-то место не идут, а в церковь идут. Молчи, не отвечай! Я знаю! Потому что это – дом Бога, и в доме Бога – всем место есть!

ИВАН. Дом Бога. Дом Бога, ага! *(Поёт).* «Не ходите, девки, к Ване! Ваня делает обман! У него тройное имя! Ваня, Ванечка, Иван!».

Иван ест, почёсывается, смеётся.

Лидия то посмотрит на Анну Петровну, которая хозяйничает в доме, то бежит туда-сюда, хватается за одно, за другое, но Анна Петровна всякий раз вырывает у неё вещи и делает по своему, в свои стопки вещи складывает.

АННА ПЕТРОВНА. Помолчи, сказала! Ешь свой «Досирак» поганый и иди вон, на улицу, подмети у дома, у церкви, пыли, грязи сколько натаскали, ходят тут всякие! Ненавижу! Как пахнет этот «Досирак», будто в вагоне куда-то едут, в Новосибирск в далекий, закупили на станции «Досираков» своих, заварили все всё и едут, воняют!

ИВАН (*смеётся*). Воняют! Воняют!

ЛИДИЯ. А мне нравится. Прямо слюна бежит. Аппетит вызывает.

АННА ПЕТРОВНА. Ну молодец, нравится ей. Садись с ним рядом, ешь одной ложкой из его чашки, он такой грязный, вонючий, на мужика не похож, вообще ни на кого не похож, на собаку приبلудную похож! Вот, садись, да ешь с ним вместе, раз так нравится.

ЛИДИЯ. Зачем вы так, Анна Петровна? Он убогий, его пожалеть надо.

АННА ПЕТРОВНА. Вот ты и жалеешь его, а я не буду. Он – убогий, ты – убогая, а я всех жалеть должна? Я главная помощница у батюшки, без меня порядка в церкви не было бы! Вот, наконец-то и тобой занялась. К тебе вещи со всего города сюда сносят, Лидушка милая. Ты должна их сортировать по кучкам, по стопкам, по мешочкам. Да не брать всякую погань с помойки. Придут, принесут гадость, на «Мерседесе» подъедут, а гадость приносят-привозят, жадины! А ты бы им так и говорила: «Пошли вон, вон, свиньи!».

ЛИДИЯ. Как так? Люди от сердца отдают, а я им – так?

АННА ПЕТРОВНА. Говно вот такое – от сердца? Построже с ними надо быть, порядок должен быть. У тебя тут от этого так воняет – дышать невозможно. За километр слышно, Лида! Вот я и пришла разгрести тебе эти Авгиевы конюшни!

ИВАН. Чьи конюшни?

АННА ПЕТРОВНА. А ещё пустила сюда спать этого вонючего алкаша.

ИВАН. Я не алкаша.

АННА ПЕТРОВНА. Помолчи! Ты знаешь, ты кто? Ты – пирожок ни с чем! Ешь, сказала, свой «Досирак» поганый и вываливай! Вонь тут, помойка от тебя! Надо гнать его!

ЛИДИЯ. Да вы идите, Анна Петровна, у вас столько работы по церкви, ступайте, я всё сама, сама сделаю всё.

АННА ПЕТРОВНА. Не сделаешь, нет! Вижу же – не сделаешь. Вам всем советчик нужен, вам всем мои указания нужны, вы без меня – ни шагу.

ИВАН. Не нужны твои указивки! Советчикам – кашку за щеку! (*Смеётся*).

АННА ПЕТРОВНА. Что ты сказал? Повтори?

ИВАН. Ничего.

АННА ПЕТРОВНА. Ну то-то. Помалкивай, сказала, пирожок ни с чем. Батюшка меня за это и ценит, что я везде, я вездесущая, я как дух Божий летаю туда-сюда, ложусь в два, встаю в четыре, без меня в церкви порядка бы не было! Я прям как Жар-Птица! Одна такая единственная! Потому что Жар-Птицы стаями не летают! Вот какая я! И свечи – надо, и цветы – надо, и пыль протереть – надо заставить всех, а то ходят бабки по церкви без дела. И окна – надо, и двери, и это – надо, и это – надо, и то, и то, и это!

ИВАН. Да ты всю церковь достала, Жар-Птица. Всех достала. В каждую дырку лезешь, суёшься. Нашим же салом – по мурсалам. Иди уже отсюда.

АННА ПЕТРОВНА. Это ещё что за разговорчики в строю? Ты кто? Дурачок, а, дурачок? Юродивый, а, юродивый? Ты кто? Тебе в зад дунь – голова отвалится.

ИВАН. Ну, дунь, попробуй. (*Смеётся*). Сама дурачок, сама юродивый. Иди вон, бухай,

кури, рожай дебилов.

АННА ПЕТРОВНА. Поговори мне! Полетишь вон так сильно отсюда, что не захочешь!

ИВАН. Сто пудово – захочу.

АННА ПЕТРОВНА. Лида! Вот зачем у тебя тут игрушки эти, зачем ты их от людей принимаешь?

ЛИДИЯ. Мы их в детский дом сдаём.

АННА ПЕТРОВНА. Зачем они там нужны, в детский дом? Ненавижу эти китайские, стоят тут, глаза пучат. Выкинуть их на помойку. В детдом надо пожрать чего-то, а не игрушки эти. Их делают из химии, дети травятся. Пучат, пучат глаза, твари. Выкинь всё!

ЛИДИЯ. Да вы идите, Анна Петровна, я сама.

АННА ПЕТРОВНА. Нет, ты не сама. Ты ничего, гляжу, без меня не сделаешь.

ИВАН. В каждую дырку лезет, достала всех.

АННА ПЕТРОВНА. Тут на мешке надо подписать: «В тюрьму», тут – «В детский дом», тут – «В дом инвалидов», тут – «В дом ветеранов», а тут, которое всё из люрекса, которое проститутки в церковь принесли, твари подлые, написать надо: «На помойку!». Да плюнуть в этот мешок сто раз и сказать: «Чёрт, чёрт поганый, иди вон, изыди, тварь!», да вынести на помойку, кинуть! Да ещё спичку туда бросить, чтоб сгорели все блёсточки эти ихние поганые синим пламенем в одну секундочку! Тьфу, тьфу, тьфу, проститутки, твари, сучки, паскудины!

ЛИДИЯ. Да я знаю, я сама, идите уже.

АННА ПЕТРОВНА. Что ты знаешь? Ничего ты не знаешь. Если бы не я – что бы вы все знали? Засрали бы всю церковь, вот так! Всю округу бы засрали! Одна я – главная помощница у батюшки!

ИВАН. Все стреляются от тебя.

АННА ПЕТРОВНА. Что? Поел? Иди подметай у церкви! За что тебя тут держат?

ИВАН. За будку и корыто.

АННА ПЕТРОВНА. Вот именно. Батюшке спасибо скажи, он пожалел, я бы – выпнала! Сколько раз говорила ему: «Гоните его, обворует!». А он, добрый, жалеет тебя, скотину!

ИВАН. Сама скотина.

АННА ПЕТРОВНА. Я не слышу. Я очень добрая. Но ты наскребёшь на свою шею, жди. Сидит тут, жрёт. Прямо два горошка ему на ложку. Все условия ему тут!

ЛИДИЯ. Вы идите, убрать там много надо в церкви к вечерней службе, у вас там работы много.

ИВАН. Да какая у нее работа? Ко всем цепляться.

АННА ПЕТРОВНА. Я не слышу, я добрая.

ИВАН. «Проснись, Ильич, они наглеют!»! «ПИОН»! «ПИОН»! «ПИОН», то есть!

АННА ПЕТРОВНА. Ох и дам я тебе «пион»!

ИВАН. Ильич, а, Ильич? Проснись, Ильич, они наглеют! «ПИОН» кругом!

Анна Петровна продолжает быстро ходить по комнате, суёт вещи по мешкам, мешки фломастером подписывает.

Лидия пытается что-то сделать, но всякий раз Анна Петровна её отталкивает.

АННА ПЕТРОВНА. Ой, какие вещи отдают, а? Это ж надо, как все разбогатели, твари, а?

Я пенсию в месяц получаю столько, сколько он в день жене на заколки тратит! Ой, правильно батя мой, царство небесное ему, говорил: «Войну надо, доченька! Смотри, сколько людей развелось, локтями толкаются, выйти на улицу нельзя! Войну надо, да поубивать половину, чтоб дышать легче было!». Правильно он говорил, ой, правильно!

ИВАН. Вот тебя в ту половину, которую поубивать надо – надо в ту половину тебя и записать.

АННА ПЕТРОВНА. Я не слышу. Я не реагирую. Я добрая. Вот, какая шуба, а? И они ее – выкинули, а?! Сдали в церковь, а?! Ведь в такой шубе хоть в пир, хоть в мир! Твари, твари, твари! Всех в ад отправить!

ИВАН. В раю – климат, в аду – общество.

АННА ПЕТРОВНА. Помолчи! Выкинули, выкинули!

ЛИДИЯ. Не выкинули, а людям отдали. А мы направим куда надо и кому-то это пригодится.

АННА ПЕТРОВНА. Кому пригодится? Куда ты эту шубу направишь, а? В детдом? В тюрьму? В СИЗО? Куда?

ИВАН. СИЗО, «ПИОН». «ПИОН», СИЗО.

ЛИДИЯ. Вон, бабушки в церковь ходят, им надо отдать. Чтоб зимой им не холодно было в церковь ходить.

АННА ПЕТРОВНА. Да кто ходит к нам? Эти старые сучки? Ты что, веришь им, что они такие бедные? Ага, как же! У них квартиры пятикомнатные, шестикомнатные, семикомнатные, я знаю! Наденут на себя, что пострашнее, да бежать в церковь молиться, вечную жизнь себе вымаливать! Потому что грешили всю жизнь! Номенклатура! Коммунячки поганые! Сколько людей угробили, а теперь стоят, крестятся в платочке! Ну, правильно – дай, дай им эту шубу! Они выйдут за ворота и кинут её в мусорку! Потому что у них все шкафы дома забиты такими шубами, мошь их жрёт-пожрёт, обжирается, пузо у моли уже лопаётся! А они жадничают, держат эту гадость дома, номенклатура! Номенклатура!

ИВАН. Проснись, Ильич, они наглеют.

АННА ПЕТРОВНА. Вот именно – обнаглели! Вот какие сапоги, гляди, а? Выкинули! Ну надо же – выкинули! Ну как это можно – вот такие сапоги выкинуть? Это же чистая кожа, им сносу не будет сто лет еще! А это что? Пинетки принесли? Кому вот они? Кидай их в мусор, а то что мне – ещё один мешок завести и надписать: «В роддом!»?! Еще мы в роддомы такую гадость не таскали только!

ЛИДИЯ. Анна Петровна, ну пустите, я сама, а?

АННА ПЕТРОВНА. Вот какие штаны, а? Выкинули! И куда вот мне эти кожаные штаны?

ИВАН. Дай мне, я буду ходить.

АННА ПЕТРОВНА. Дай уехал в Китай, знаешь ведь? Да я лучше сожгу, чем тебе, придурку, дам чего-то! Иди, мети улицу, сказала, ну?!

ИВАН. Без тебя знаю, что делать.

АННА ПЕТРОВНА. Хрен ты знаешь, прости Господи! Что бы вы все без меня делали?! Завшивели бы, загадились, подошли бы все!

ЛИДИЯ. Дайте мне, я сама. Да идите вы уже, Анна Петровна?!

АННА ПЕТРОВНА. Без Бога живут! *(Роется в кучах, вещи рассматривает, по мешкам расталкивает).* Девки молодые, придут в церковь, гогочут, как кони, в штанах придут, лба

не перекрестят, гогочут и гогочут, хи-хи да ха-ха всё им, всё им весело, сучкам таким, стоят, над старухами надсмехаются, киргиз-кайсацкая орда, орда самая настоящая! Платка на голову не накинута, платочечка!

ИВАН. Ну, а ты, Жар-Птица, зачем?

АННА ПЕТРОВНА. Что тебе надо, говнюк такой? А?!

ИВАН. Ты ж нужна, чтоб всех ходить одёргивать, всем замечания делать, что всё не так и не правильно, что надо - иначе, да показать, как надо. И у тебя тогда заделье есть. Всё себя перед батюшкой показываешь, какая ты начальница. Чем ты занимаешься? Всем и ничем. Ходит, дёргает всех. А так бы ты - что делала?

АННА ПЕТРОВНА. Что?

ИВАН. А потом люди из-за таких, как ты, боятся в церковь идти. Чтоб на скандал не нарваться.

АННА ПЕТРОВНА. Вот у некоторых не хватает шурупиков в голове и они не могут работать, они при церкви прибились, сидят тут, жрут, едят. А больше – приставляются, придуриваются, будто не могут работать. Вот тебя побрей да вымой, да посмотри на тебя – тебе лет сорок, поди, будет. А ты дурочку ломаешь, в грязное рядишься.

ИВАН. Ну, возьми меня к себе, вымой, поброй, побрей.

АННА ПЕТРОВНА. Я тебя побрею вот! Да сто лет ты мне сдался! Не хватает у тебя! Бум-бум-бум в голове у тебя! Девяносто девять!

ИВАН. У тебя хватает, репей. У тебя сто в голове.

АННА ПЕТРОВНА. У меня не сто, а двести! Триста! Четыреста! Я всё наперёд знаю, всё вижу, всем помогаю, везде одна я, я, я!

ИВАН. Ага. Я-я. Вольтанута-я. Якало. *(Вдруг).* «Боже всеблагий и всемилостивый, все охраняй своею милостью и человеколюбием, смиренно молю тебя, предстательством Борогородицы и всех святых, сохрани от внезапной смерти и всякой напасти меня грешного и вверенных мне человек! И помоги невредимых доставлять каждого по его потребе!».

АННА ПЕТРОВНА. Чего?!

ИВАН *(кричит).* «Боже милостивый! Избави меня от злого духа лихачества, нечистой силы, винопития, вызывающих несчастья и внезапную смерть без покаяния! Спаси и помоги мне, Господи, чтоб с чистой совестью дожить до глубокой старости без бремени убитых и искалеченных по моему нерадению людей! И да прославится имя Твое святое ныне и присно, и во веки веков, аминь!».

(Облизал ложку).

АННА ПЕТРОВНА. Что это ты выдумляешь? Что это за молитва?

ИВАН *(смеётся).* «Молитва шофёра» это.

АННА ПЕТРОВНА. Ты откуда её знаешь?

ИВАН. Люди рассказали. Ты, что ли, одна молитвы знаешь? В кучу собираешь всё, не помнишь ничего, с пятого на десятое прыгаешь, а молишься! Да тебе «Кавинтон» для мозга надо пить! Укрепляет сосуды в мозгу!

АННА ПЕТРОВНА *(помолчала, губы поджала, говорит негромко).* А ещё некоторые пометут, пометут у церкви, немножко чего-то молотком постучат, сделают для батюшки вид, будто они так страшно работают, а потом – раз! – и пропадают. Куда пропадают? Знаем мы. В запой они пропадают. Вот куда они пропадают. Керосинят красное по-чёрному. Между могилками на траве на кладбище валяются по неделям. Вот!

ИВАН *(поёт)*. «А на кладбище всё спокойненько! Между верб, тополей и берез! Всё культурненько и пристойненько! И решён здесь квартирный вопрос!»

АННА ПЕТРОВНА. А потом являются с кладбища, трясучка у них, землёй могильной от них пахнет, а они жрать просят. И есть люди, которые им дают жрать. А их гнать надо, тварей - взащей, взащей выталкивать от дома Господа!

ИВАН. У тебя, что ли, прошу жрать? Ну и не ори, не дома. И дома не ори.

АННА ПЕТРОВНА. Алкаша кусок! Иди, у церкви подметаи!

ИВАН. Задрала всех.

ЛИДИЯ. Не ругайтесь, ради Христа. Идите, Анна Петровна, я сама сделаю всё.

АННА ПЕТРОВНА. Ох и добрый у нас батюшка, ох и добрый, всех приветчает, всех прощает вас, бездельников, ох и добрый.

ИВАН. Дак ты-то поди уж подсуетились, написала жалобу, анонимку написала на него в епархию, нет? В прошлый-то раз не ты писала? На предыдущего батюшку кто писал? Что в церкви бардак и непорядок? Не ты писала?

АННА ПЕТРОВНА. Ты что мелешь, дурачок, бревно оцилиндрованное? А ну вали, сказала, мешаешь!

ИВАН. Помешаю я тебе. Мешалкой по голове тебе помешаю.

ЛИДИЯ. Анна Петровна, я сама сложу, идите уже, я сама!

АННА ПЕТРОВНА. Нет, не сама!

ЛИДИЯ. Ну зачем вы пришли? С Ваней вон, с Божьим человеком, ругаетесь? Нехорошо как, а? Это моё дело, я сама всё разложу, все вещи.

АННА ПЕТРОВНА. Он какой Божий человек? Ты что веришь? Не видишь – аферист, скрывается? Третий месяц его тут кормишь! Ты кто такая, чтобы мне замечания делать, выговаривать, а?!

ЛИДИЯ. Идите, а?

АННА ПЕТРОВНА. Ты что думаешь, я сама пришла, своей волей? Я сама себе обузу, нахабушку эту взяла, чтоб в этом барахле рыться, в пыли в этой, в грязи, в клопах да во вшах? Оно мне надо самой? У меня будто дела нет в церкви, да?

ЛИДИЯ. Какие тут вши? Тут люди всё в церковь сдали чистое. Они стирают, как принести, перед этим. Чистое. Вон, чистое, ну?

АННА ПЕТРОВНА. Чистое? Очки носи. Тебе сорок, а мне – шестьдесят, а я без очков вижу. Тебе, поди, и нос заложило, не слышишь запаха? А я слышу. Я всех вас здоровее в буквальном и в переносном смысле, поняла? Мне батюшка поручил тебя тут проконтролировать. Потому что слухи всякие ходят.

ЛИДИЯ. Какие слухи? Почему контролировать?

АННА ПЕТРОВНА. А вот такие слухи. Говорят, что ты самые лучшие вещи себе домойносишь. Ты ведь квартиру снимаешь на улице Красных Героев?

ИВАН. На улице Красных Геев! Всё она знает, ты смотри-ка?

АННА ПЕТРОВНА. Помолчи, плешивый! Я всё знаю. Ну вот. И, говорят, ты с хозяйкой квартиры вещами расплачиваешься. Приносишь ей вот это, такое вот, такие вот дорогие кожаные штаны да люрекс. А она потом сдаёт в секонд-хэнд, и у вас такой вот идёт бизнес! Да, Лидушка, все всё знают!

ЛИДИЯ. Неправда. Неправда это.

АННА ПЕТРОВНА. Да как неправда, когда правда? Я сама проследила за тобой, как ты с котомками уходишь туда, на улицу Красных Героев. Тащишь, поди, шубы, кожаные штаны, платья цветные и юбки! А это надо сжечь, бес там сидит в них, сжечь, а ты не сжигаешь!

ИВАН. Так, я пошёл. Вот я сейчас батюшку сюда позову и покажу ему, и докажу ему, что ты врёшь, и что ты лезешь везде, и что ты анонимки пишешь!

АННА ПЕТРОВНА. Сидеть! Что, не так, Лидушка?

ЛИДИЯ. Не так.

АННА ПЕТРОВНА. Да так, так, Лидушка! А ты тут мне поёшь: «Иже еси на небеси!» Вот тебе и «иже еси на небеси»! Воровка ты самая настоящая, воровка ты и есть!

ИВАН. Что ты врёшь? Ты её хочешь выгнать, вот что! Чтоб она в церкви не работала! А хочешь сюда, на её место сесть, так? Так, так!

АННА ПЕТРОВНА. А и сяду, Ванюшка миленький. Сяду я тут, голубок. Место мне это очень нравится. Выживу её, да, выживу. Тут отдельный домик будет мне, мой кабинет. Я тут шторы повешу, дверь сделаю с замком, стол с зеленым сукном поставлю, лампу сюда с абажуром, а сюда герань, а сюда – полочку и крючочек. И без стука не входить, без стука чтоб, бес ты такой! Ну, и топчан твой – вон, на фиг его, конечно. И вперёд с песней – кто стучится в дверь моя, слышишь: дома нет никто?

ИВАН. Вот гадина какая, а? Вот она зачем пришла. Вот она!

АННА ПЕТРОВНА (*вдруг кричит*). Устроили тут бомжатник! Я вас выведу! Я научу вас свободу любить! Я покажу вам! Тут церковь! Тут Господь рядом проживает! А они что тут устроили? Я в епархию напишу! Тут Бог! Тут я! Тут приходская школа рядом, дети, а они – что тут они устроили, а? Не выйдет, товарищи. Жалко, что теперь так реагируют плохо. Раньше – и партком, и профком, и комсомол быстрее реагировали. Сразу бы вас за шкварник и – вон, вон, вон!

ИВАН. Ну, попадалово какое. Место себе тёплое ищешь?

АННА ПЕТРОВНА. Я – место ищешь? Да мне ничего не надо! Ванечка, я из госслужащих, у меня пенсия знаешь, какая? Ага, знаешь ты! Идиот! Я – за порядок и за чистоту! Поел – убирай посуду сам! Я за Господа Бога пасть вам всем порву! Потому что в вас Господа Бога – нету! А во мне есть, аж прям светится всё, не видите? Из груди у меня свет идёт, из глаз из моих! А вы – проклятое ворьё! Сдаёте в секонд-хэнд! Я сама буду сдавать! В смысле, я вам дам тут такое устраивать, так дам, что кровью умоетесь!

Лидия достала из мешка какую-то тряпку красную, Анна Петровна тут же к тряпке кинулась, на себя тянет.

А ну дай мне эту скатерть красную! Смотри, какой бархат новый, красивый! Кто это тебе сдал? Дай сюда, я её батюшке отнесу, пусть постелет в алтаре!

ЛИДИЯ. Да отстань ты, дьяволица, уймись, уйди!

Тянут, вырывают друг у друга тряпку.

Иван к Лиде кинулся помогать.

Тряпка трещит и рвётся.

АННА ПЕТРОВНА. Вот что вы наделали, гады, а? Порвали такую красивую скатерть!

Стоят, рассматривают куски ткани.

ИВАН. Это ж знамя, дура ты такая. Написано вот: «Передовику производства». Знамя! Порвала знамя! Дорвалась, как дурак до мыла.

АННА ПЕТРОВНА. Знамя?! У тебя, Лидушка, знамёна коммуняцкие захованы,

запрятаны?! Вот как?!

ЛИДИЯ *(плачет)*. Да я полгода как при церкви, работаю, тружусь, а она пришла, подсиживает! Я никому вреда не сделала, а она мне! Господи, прости, за что, за что?!

АННА ПЕТРОВНА. Значит, ты тут собираешь коммунистическую атрибутику? Понятно. Значит, ты не только с секунд-хэндами работаешь, а у тебя тут - развёрнутая сеть! Ты и старьёвщиков ждёшь, коллекционеров ждёшь и им продаёшь это! Развёрнутая преступная сеть! Откуда тут знамя, отвечай?!

ЛИДИЯ. Да я знаю? Принёс кто-то в кучке!

АННА ПЕТРОВНА. Ага, в кучке! Вот тебе и «в кучке». И накрыта преступная банда! Сеть! А этот, поди, да не поди, а точно - помогает тебе к ним барахло это относить! Вот вы и спелись! Вот ему потому и топчан! Бога в вас нет!

Лидия села на стул, рыдает.

ЛИДИЯ. Ладно. Забирайте всё. Пошла я вон отсюда. Раз такое дело – пойду, не могу больше. И в церкви от вас покоя нет, бесы. Нигде нет, бесы проклятые.

АННА ПЕТРОВНА. Кто – бесы? Я – бесы? Ты кого бесом пугаешь, кого клянёшь, кого бесом называешь? Да я чище ангела небесного!

ИВАН. А ну, ангел, вали, а то сейчас кружкой по голове жваркну.

АННА ПЕТРОВНА. Ух ты, смелый какой стал, а? Дурачком прикидывался, да? А забыл, что ты тут по ночам делаешь? Она тебя сюда пустила Христа ради, а ты что тут делаешь, а?

ИВАН. Что я тут делаю?

АННА ПЕТРОВНА. Думаешь, не знаю? Я всё знаю! Вот – главное, вот тут какой разврат устроили!

ЛИДИЯ. Какой разврат?

АННА ПЕТРОВНА. Я пришла вчера ночью сюда, к окошечку-то, да посмотрела. Ходила, проверяла, надёжно ли в церкви всё заперто, не лезут ли воры, да и ненароком глянула в окошечко. А тут свет горит! Я пошла, посмотрела тихой сапой, и что я вижу, что?!

ИВАН. Ильич, проснись, они наглеют.

АННА ПЕТРОВНА. Да, да! Наглей! Не стыдно? Точно ты – придурок больной! Пригрели его тут! Помощник! Дворник он, понимаешь! Пригрели! Грей клопа, он и надувается – это про тебя!

ИВАН. Рождён для мук, в счастье не нуждаюсь.

АННА ПЕТРОВНА. Вот, вот! Вот я батюшке пойду расскажу по трём пунктам всё! Что тут за притон с церковью рядом! Первый пункт – сэконд-хэнд, второй – коллекционеры, а третий пункт - самый главный!

ЛИДИЯ. Да что тут было, Ваня? Что такое?

АННА ПЕТРОВНА. Люди – хуже свиней. Видно же. Вот он, этот, он – кто? Животное.

ИВАН. Девяносто девять, иди отсюда.

АННА ПЕТРОВНА. А у тебя - «сто»? Тебя в покое оставить? Рямом. Придуривается больным на голову. Твоя болезнь называется: «Инфлюэнция притворенция симуленция лодерит» – вот такая у тебя болезнь!

ИВАН *(сел, голову сжимает, поёт)*. «Женское счастье муж в командировке, ну а дети, дети – у свекровки!»

АННА ПЕТРОВНА. Давай, давай, ломай дурака!

ЛИДИЯ. Да что он сделал?

ИВАН. Мы кохаем Украину. Татарам – даром. Ленин. Горбачев.

АННА ПЕТРОВНА. Стыдоба какая! Я тут начну работать – дак всё с мылом, мылом всё вымою, святой водой углы все пробрызгаю, чтоб выгнать нечисть, выгнать бесов, орду татарскую, киргиз-кайсацкую орду вашу эту, вон, вон, вон из дома Бога! Вами тут и пахнуть не будет, животные, животные!

ИВАН (*голову руками сжимает, поет*). «По кочкам, по кочкам, по маленьким мосточкам, в ямку бух, раздавили сорок мух!»

АННА ПЕТРОВНА. Давай, давай, артист погорелый! Да не поверю!

ИВАН. «Сорок, сорок, пятьдесят! Раздавили поросят!»

ЛИДИЯ. Да что он тут делал-то?

АННА ПЕТРОВНА. Он? Он в платья женские по ночам одевается, вот что!

Молчание.

Ну, молчишь? Ты пустила его сюда? Заразу пустила! Пидорка-голубка пустила! (*Хохочет*). Вот они, что делают, бесы-то, вот они! И сюда пробрались!

Молчание.

Иван *встал, идет на Анну Петровну.*

Та взвизгнула по-поросячьи, схватила кусок знамени, машет этим куском перед Иваном, отступает к двери.

ИВАН. Ну, допрыгалась. Я тебя сейчас в мешках отсюда вынесу. Попа узнаешь по рогоже, а подлеца – по роже. Это про тебя.

АННА ПЕТРОВНА (*кричит*). Ратуйте люди, ратуйте! Убивают!

ИВАН. Как говорил Ленин: «Мы рабочих гладим по головке, а их надо бить, бить, бить!».

АННА ПЕТРОВНА. Люди! Ленин! Бить! Бить! Ленин!

ИВАН. Ну, иди сама лучше, а то будет тебе сейчас - на колу мычало, начинай сначала.

АННА ПЕТРОВНА (*кричит*). Ратуйте! Бесогоны! «Пресвятая Владычице Богородице, спаси, Владычице, все страны и грады и сию страну избави от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплемennых!». Орда навалилась на нашу страну, Матерь наша Божья! Орда!

ИВАН. Иди.

АННА ПЕТРОВНА. Ударить хочет! Ударь! Я за веру постою!

ИВАН. Иди. Иди. А то сейчас - полюбас - за хвост возьму и об дверь ударю.

АННА ПЕТРОВНА. Это у тебя хвост, бесятина! Не у меня! Ты кто? Отставной козы барабанщик! Сейчас я – к батюшке!

ИВАН. Никому ты не нужная, горячая и южная.

АННА ПЕТРОВНА. Сейчас – сообщу, сейчас – сюда проверка, ревизия! И вас, вшей - взашей!

ИВАН. Да изыдешь ты или нет?!

Иван угрюмо вытолкал Анну Петровну из дома, дверь за ней закрыл. Анна Петровна бежит у окон, куском знамени машет, в окна стучит.

Вот и порядок теперь. Аннета Петровна – дура редкая. Взяла и всё испортила. Ну да ладно. Значит – так надо.

Лидия сидит на стуле, в пол смотрит, слёзы вытирает.

Иван постоял, помолчал, взял какой-то пакет, начал в него складывать свои вещи.

ЛИДИЯ. Куда?

ИВАН. Пойду.

ЛИДИЯ. Куда?

ИВАН. Сама видишь – надо.

ЛИДИЯ. Куда?

ИВАН. Сама видишь – надо. И тут бесы одолевают. И сюда забрались.

Молчание.

ЛИДИЯ. А правду она говорит?

ИВАН. Про платья? Правду. Только я всё мерял. И женское, и мужское. А что?

ЛИДИЯ. Дак ты дурак и правда, что ли? Зачем это?

ИВАН. Затем это. Не понимаешь?

Молчание.

Что, потеряла хлебное место? Погонят тебя? Ну, правильно сделают. Сильно ты добренькая. Бомжа пустила и ходит, гордится: какое же я доброе дело сделала!

ЛИДИЯ. Да неправда. И не я пустила. А батюшка разрешил.

ИВАН. Да правда. Оба вы с батюшкой, надо сказать ... Ладно, не буду. *(Молчит)*. А вдруг я вор, убийца, а? Но так хочется быть добренькой. Чтоб люди сказали: «Какая же она смиренная, славная, добренькая!». Да? Или что ты думала: пригрею, а потом отмою и к себе в дом возьму? Нет. А я не приручаюсь. Я не собачка какая, не животное, а - человек. Меня не приручишь. Я – свободная птица. Рождён для полёта. Как говорят: «Рождён для мук, в счастье не нуждаюсь». *(Смеётся)*. Ты вот – человек?

ЛИДИЯ. Человек.

ИВАН. Нет. Животное. Что твои дети делают, знаешь?

ЛИДИЯ. Я пошла Богу служить.

ИВАН. Дура. Пошла старые тряпки перебирать. Правильно. А так легче. Ответственности нету. А за детей отвечать надо.

ЛИДИЯ. В них бес сидит. Вот и ушла. От греха ушла.

ИВАН. Ай, да ну вас. Идите в пим дырявый. Хорошо, что эта крыса пришла и норку всю перешерстила. А то я уж начал обживать. А мне нельзя. Мне идти надо.

ЛИДИЯ. Пойдём ко мне.

ИВАН. Ещё чего. Жить в съёмной квартире на улице Красных Геев? Спасибо, не надо. Я сейчас куплю себе билет на московский поезд до Кирова. А в Кирове не вылезу из вагона, а буду перебегать туда-сюда от проводниц и контролеров. Бегать буду из вагона в вагон, пока меня не поймают. Вот где поймают и высадят – вот там и судьба. Может, так и до Москвы доеду. Не то, чтобы у меня денег не было до Москвы билет купить, а просто – так интереснее. *(Смеётся)*. Деньги есть. Много. Русские – сердобольные, подают убогим. Полные карманы денег. Вот, где высадят – там и Бог, значит.

ЛИДИЯ. Там и Бог?

ИВАН. Бога я ищу, понимаешь?

ЛИДИЯ. Бога?

ИВАН. И не найду никак. Всю Россию объехал. Нету. Да и России-то – нету. А какая-то такая поганая татарская страна. Киргиз-кайсацкая орда. Вроде, и русские, а вроде - и нет. У каждого попа за иконкой – кусок колбаски да стакан с водкой. Татары какие-то. Не по нации. А по душе.

ЛИДИЯ. Все плохие, ты хороший. Дурачком прикидывался. А вон как говорить умеешь.

ИВАН. Ничего я не прикидывался. Какой есть, такой есть. Это вам хотелось, чтоб я был такой, убогий.

ЛИДИЯ. Ты ж богатый был, вижу.

ИВАН. Был. Высоко летал, курва, да низко сел на хер. Был я такой богатый, на машинах ездил. Кинул всё. Ударило в голову один раз, что всё – пустое. *(Смеётся)*.

ЛИДИЯ. А что ты смеёшься? Скучно стало, да? Кинул всё. Сладкое надоело, солёного захотел, да?

ИВАН. Ну да, думай так. Ну, да - жена, дочь были. Бизнес, всё было у меня. Денег – полно. А один раз понял – какое пустое всё, какое пустое.

ЛИДИЯ. Пустое?

Иван долго молчит.

ИВАН. Пошёл раз к массажисту, спина разболелась - всё в кресле сидел ведь, да за рулём. Массажист включил мне музыку - «Музыку леса». Лежу я. Птицы поют, шумит лес, шорохи настоящие. Будто птицы с ветки на ветку, будто кузнечики в траве туда-сюда, мухи жужжат, комары летают. И вдруг меня как током ударило. Лежу на животе и вижу всё. Весь мир мой, всё детство. Вот мы с отцом за грибами идём, идём на то место, где всегда грибы, мы знаем это грибное место, любимое место. Вот мы под деревом сидим, едим что-то домашнее, пирожки мама нам напекла, едим и слушаем, как там, вверху птицы поют, а отец меня щекочет травинкой и смеется, а лучи солнца падают сверху на нас сквозь листья. И слышу шорох листьев под ногами, муравьев вижу, они к муравейнику бегут, лапками перебирая. Жучков вижу, у них на спине красненькое с черным. И небо синее детское увидел. И маму увидел, она не любила ходить в лес, а отец любил, а она ругала его, что он меня с собой таскает, она волновалась, что заблудимся и ждала из лесу с обедом на столе ... *(Молчит)*. Всё увидел. И понял, что скоро умру. Ну, если не скоро, то всё равно когда-нибудь - обязательно, обязательно. И потому всё – пустое, вдруг понял я. Я никогда в себя так не заглядывал. И начал я плакать там, в массажном кабинете на кушетке, да так сильно плакать, будто выходил из меня бес, так я начал плакать. *(Молчит)*. Массажист перепугался, перестал меня мять, говорит: «Вам больно?». А я говорю: «Нет, нет, нет!». Сел на кушетку, смотрю: а у меня из носа кровь идёт и вся простынь в крови.

Молчание.

Вот тогда я поднялся, вышел, и ушёл из города. Всё и всех бросил. И паспорт не взял. А зачем? Незачем потому что. Незачем. Пустое всё. Вот и хожу с тех пор.

Молчание.

ЛИДИЯ. Ты зачем платья мерял, Ваня?

ИВАН. А я не мерял. Я так свою жизнь на другой манер проигрывал. И так, и так, и эдак пробовал. И в такой одежде, и в такой. А не выходит. Хотя как оденешься – какая есть у тебя жизнь, такая и будет. И ты сам за тряпками не спрячешься. А я всё мечтал про что-то. Каждая тряпка – другой мир, другая жизнь, и я его к себе прикладывал, в этот мир переодевался, на себя мерял, будто в ту жизнь входил. *(Молчит. Смеётся)*. А не мой размер, Лида, не выходит. Стало быть: на чужой каравай рот не разевай.

Дверь распахнулась, на пороге стоит Анна Петровна, держит два пальца вверх, говорит громко, быстро:

АННА ПЕТРОВНА. Кто меня обидит, тот долго не живёт. Вон, тогда на работе Петруничева кричала на меня. И что? Я уйду с работы и говорю: «Ну, Петруничева, запомни: кто меня обидит, тот сам себе наскрёт!». И что? Что ты думаешь? У неё мать на другой день умерла! Да не умерла, а сдохла! Она пришла домой, мать старую, больную на балкон выставила, мол, дыши свежим воздухом! А сама забыла про неё, из дома ушла, болталась где-то и ночевать осталась у друзей! И что?

ИВАН. Да не кричи ты, как худая свинья, а?

АННА ПЕТРОВНА. Я покажу тебе – свинья! Слушай дальше! Дело-то зимой было! Домой приходит, а мать на балконе – замерзла! Вот так вот ей и надо! Так что знайте – кто меня обидит, тот долго не живет! Я сказала уже батюшке, сейчас придёт, сейчас! Придет с кадилом, с дымом вас выкуривать придёт, бесы, орда киргиз-кайсацкая!

Хлопнула дверь, выскочила на улицу.

ИВАН *(смеётся)*. И так мне погано, как будто в двадцатом году под дулом нагана бандитского в балку иду ... Ну, всё. Собрался, прощай.

ЛИДИЯ. А мне что?

ИВАН. Что – что? Соловей кукушечку заманил в избушечку. Взял за титиньку рукой, накормил её крупой.

ЛИДИЯ. Чего?

ИВАН. Тоже - под дурочку молотишь, да? Третий месяц тебя спросить хочу: тебе ведь лет сорок, а ты как старуха, в чёрное рядишься. Трёх детей бросила, свиноматка. Сидит тут, тряпки перебирает.

ЛИДИЯ. И тут бесы. Глянь на себя в зеркало. У тебя рога лезут.

ИВАН. Ага, растут. Со мной поехали.

ЛИДИЯ. Куда? Из вагона в вагон бегать? Тебе это весело, а мне уже надоело прятаться, убегать, сил нет. Куда-то голову надо приклонить.

ИВАН. Приклони ко мне. Я же вижу, что меня любишь.

ЛИДИЯ. Что видишь?

ИВАН. Дак а эта что злится, думаешь? Видит, что ты меня любишь и ревнует. Тоже меня любит. Вот я какой – всем нужен. Прямо Жар-Птица.

ЛИДИЯ. Ага, Жар-Птица. Давай, лети, Жар-Птица.

ИВАН. Пошли вместе, сказал?

ЛИДИЯ. Иди.

ИВАН. Пошли.

ЛИДИЯ. Куда?

ИВАН. Куда глаза глядят.

ЛИДИЯ. Зачем?

ИВАН. Тебя люблю.

ЛИДИЯ. Зачем я тебе нужна?

ИВАН. Я тебя нашёл.

ЛИДИЯ. Не пойду.

Иван сел. Плачет.

ИВАН. Не могу.

Молчание.

ЛИДИЯ. Мужики, мужики. Слабее баб, слабее комара. Бахвелятся чего-то, бахвелятся. А ткни иголкой – кровь побежала ручьем. И такие они растакие смелые, и такие они поступки творят. А ничего не могут. Плакать, пить-запиваться могут. Горе заливать – это вы хорошо можете. Рубаху на себе рвать. И это можете. А сделать – не можете. Поступки-то ваши где? Что можете? Чуть жизнь ударила, так и пали сразу, на оба копыта. И не поднимутся. И тащи, тащи их всю жизнь. Ну давай, приоденемся – ты в женское, а я в мужское и почапаяем по орде, Бога ли, счастья ли искать, а? Давай, шубу, сапоги, всё на себя навздевай и пошли, ну?

ИВАН. Лето на дворе.

ЛИДИЯ. Ну а нам, татарам, лишь бы даром. Я вот оденусь потеплее. Холодно мне.

ИВАН. Ну и мне тогда – тоже.

Они взяли какие-то тряпки и стали их на себя натягивать.

И штаны, и кофты, и платья, и шубы.

Всё, всё, что можно было - на себя навздевали.

Стоят, как кикиморы какие друг против друга, как капуста разодетые.

Стоят, в глаза друг другу смотрят и плачут.

Ночь, темно вдруг стало за окном.

Ветер зашумел, нагнул сосны вековые, пыль пронеслась между могил, памятников и крестов.

Они встали оба у окна, на улицу смотрят.

ЛИДИЯ. Как страшно стало. Дождь будет. (*Молчит*). Самых страшных грешников Бог молнией забирает. Мрак какой перед дождём. Тёмное небо, тёмное, гуще и гуще тучи, чёрное всё вокруг, всё напряглось, всё ждёт, что сейчас будет что-то, вот сейчас рванёт электричество, небо разорвётся, убьёт всё живое, а потом грохот, грохот небесный, Бог в колеснице едет, и всё перед глазами вдруг, всё, вся жизнь. (*Молчит*). Зачем она была, вся жизнь, зачем?! Кто ответит? Встать под дерево и молить, чтоб Бог убил, забрал к себе скорее за все грехи. Силы нет таскать их за плечами, чтоб забрал за грехи за твои, за мои, за всё - в рай или в ад, всё равно, только бы забрал ... Почему не берёт, почему?!

ИВАН. Пошли. Пошли.

Молчание.

ЛИДИЯ. Надо взять ещё что-то с собой. Игрушки эти, что ли, взять?

ИВАН. Возьмём. Они тёплые, с глазами.

ЛИДИЯ. Вот, игрушки возьму, правильно, да.

ИВАН. И мне дай. Пошли. Пошли. Пошли.

ЛИДИЯ. Пошли. Помолимся и пойдём.

ИВАН. Молись.

ЛИДИЯ. Помолюсь. Помолюсь. Надо помолиться. Потому что один молится, а спасутся - все.

Иван и Лидя взяли в руки по игрушке, потом взялись за руки, вышли в двери.

Лидия бормочет что-то.

На крыльце они стоят, смотрят в небо.

Молния рванула, разрежала небо, осветила церковь, гром загремел, тяжелые крупные капли дождя стали бить об сухую землю.

Поливает дождь Ивана и Лиду, а они идут по грязи, взявшись за руки.

Идут куда-то.

Темнота

Занавес

Конец

июль 2012 года, село Логиново